

ЕЛЕНА
Волкова

Это Сибирь, детка!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сдаюсь СИБИРСКОМУ СПЕЦНАЗУ

Елена Волкова

Сдаюсь сибирскому спецназу

«Автор»

2026

Волкова Е.

Сдаюсь сибирскому спецназу / Е. Волкова — «Автор», 2026

- Ты кто? Эй, говорить умеешь? - Я замерзла, – сиплю, принимая на снегу позу соблазнительнее. – Рот замерз. И зубы. И весь йижик. Там вофк, – показываю назад. – Пуштите погретша. Я очень бежава.- Больная?! У тебя зубов что ли нет?- Ешть! Я все простужу, а он спрашивает про зубы. Мог бы и в дом позвать. Холод какой на улице.- Как же вы мне все надоели! Яростно рычит и в ту же минуту забрасывает мою околевшую тушку на плечи. Плевать! Главное, что теперь я не умру от стужи.**Моя размеренная жизнь в пропасти. В тайге свернула не туда. Машина сломалась. Волки напали. И вишенка на торте - спецназ в избушке в лице Ермакова Макса. Иными словами - Дракулы лесного. Злой бугай с сомнительным прошлым случайно заставил в себя влюбиться. Только оказалось, что у него незаконченные отношения с моделью. Он вдобавок почти что каторжанин. Я что притягиваю неприятности? И судя по тому, что Ермаков стал меня преследовать после событий в избушке точно – сглаз есть. Бежать или сдаться?

© Волкова Е., 2026

© Автор, 2026

Сдаюсь сибирскому спецназу

Глава 1.

— Ой-ой-ой, – скачу около машины. – Чего ты заглохла? – ныряю в капот. Стучу по железякам. – Что мне делать-то?

Дую за околевшие руки. Холод собачий!

Реанимирую телефон. Он тоже замерз, еле ворочается. Тычу в бесполезный экран.

— Нет. Нет! – взвизгиваю.

Экран, моргнув в последний раз гаснет. Застываю над ним в нелепой позе. Вот так пропадает надежда. Она тухнет, как пропавшее яйцо.

Со злобой пинаю колесо. Попала так попала. Как выбираться с заснеженной трассы понятия не имею. Кругом лес.

Хр-р-р! Рычу от отчаяния.

Гриша сволочь и подонок! Мало того, что угробил машину, еще и мою подругу прямо у нас дома вон чего! Прямо в нашей кровати! Прямо на моих простынях. Скотина. Собственно, поэтому отмотала столько километров лишь бы убежать из ненавистной квартиры. Надеюсь отсидеться у бабушки в заброшенной деревне. Там ни связи, ни людей, ни мудаков женихов.

Я в заднице. В попе в квадрате. А это, знаете ли, такое себе удовольствие. Бес-прос-ветное.

Одергиваю ультрамодную куртку из замши. И где ваш «мех греет изнутри как печь?» Болтовня сплошная. Ни черта не греет.

Скорее меня нагрели в том новомодном салоне, где обещали невиданное тепло и комфорт за бешеные деньги.

Теперь у меня глаза вылезли от холода, как у бешеной белки.

Натягиваю поглубже шапку. Даже глаза замерзли, не то, что попа. И ноги, и пальцы и все-все околело! Даже зубы. Дрыгаю на снегу, как Женя Лукашин (герой фильма «Ирония судьбы» – прим. авт.)

Сколько же я тут не была, м? Трудно посчитать. Но именно дом бабули показался спасением. А теперь даже эвакуатор не вызвать. Сажу в тайге одна, как палец в носу. Осталось согнуть ... как сопле в фартуке. В бессилии задираю голову в небо и ору.

— Эээй! Кто нибууудь!

Хнычу от страха. Кто меня тут услышит, разве только волки да медведи. Ни одной машины не проехало. Вокруг сплошной лес, боже мой.

Я в жопе. В темной дремучей жопе. Без средств связи, без еды и воды. Без ничего. Зато деньги на карте есть!

Идиотка. Какая идиотка. Хоть бы термос залила на последней заправке. «Че тут ехать, че тут ехать» — передразниваю сама себя.

Поперлась блин. Да всем изменяют, что я первая или последняя. Собрала бы Гришке чемодулю и адьес. Нет! Мы девки гордые, мы сами поедem с глаз долой. От всплывшей картины в мозгу снова заливает кислотой. Скотиинна. Я же любила его урода. А он — кобель.

Вытираю слезы. Сквозь сосули на ресницах разглядываю сгущающийся день. Ночевать как-то не хочется посреди дороги.

— Появитесь хоть кто-нибудь, – ною.

Никого. И ветер как назло поднимается.

Вдали показывается темное пятно. Подскакиваю на месте. Всматриваюсь до рези в глазах. Лесник? Егерь? Есть тут такие в тайге? Наверное, есть. По крайней мере были.

— Эй! – ору. Прыгаю. Машу руками. Пожалуйста будь тем, кто сможет починить мою машинку одним взглядом, – молю судьбу. – Эй! Сюдааа.

Спешу навстречу. Хвалю себя, что хотя бы дотумкала меховые кроссы обуть. В них очень удобно. Незнакомец замирает. Какой-то он маленький. Вытянутый и странно ведет огромной башкой. Резко торможу. Проезжаю ногами по скользоте.

— О, мой б ... Твою мать!

Незнакомец поднимает загривок выше, и я понимаю ни черта это не человек. Это волк! Косматый. Огромный. Они в Сибири, как кони. И злой небось. Зима же. Жрать-то нечего.

Аааа! Мама ... Мамаааа ...

Пячусь назад. От страха сводит живот. Адреналин шпарит по венам, тело не чувствую. Подскакиваю на ноги. Разум отказывается руководить телом. Оно само принимает решения. Ломлюсь сквозь ветки и бегу по снегу вглубь тайги.

Не помню сколько бегу и ору, как бешеная. Ветки хлещут по лицу, горло пересохло и скукожилось. Я уже не ору, просто хриплю. Мне так страшно. Позади рык слышится.

Я слышала о том, что люди могут на том самом адреналине черт знает что выделять, но не подозревала что могу тоже самое и даже больше.

— Мааааааа! – ору, продираясь сквозь жесткие лапы деревьев.

Огромные стволы закрывают обзор. Внезапно чувствую, как тело покидают силы. Беспомощно оборачиваюсь – никого, темно, заблудилась.

От страха, что замерзну насмерть, хуже только то, что меня кто-то сожрет. А я не хочу!

Кто это? Снег хрустит быстро-быстро. Подскакиваю на месте и припускаю еще. Сердце колотится в горле. Бегу, как стрела. В глазах вспыхивает. От неожиданности врезаюсь пятками в снег.

Мираж?

Там мелькают огоньки. Не может быть или все же повезло? Сдираю с ресниц сосульки.

— Помогите! – ору, беру курс на свет.

Хоть бы не мираж. Хоть бы пожалуйста спасение.

— Помогитеее! – огоньки все ярче. Но почему так высоко? – Людии! Народ, – срываю голос.

Врубаюсь прямо в доски. Это же забор? Забор же, да? Перебираю руками огромный частокол, плевать на занозы. Нашупываю ручку, толкаю со всей силы. Слава небу она легко поддается. Ошалев, вваливаюсь внутрь. Вытирая сопли и слезы, пытаюсь развидеть куда попала.

Посреди огромного двора стоит голый мужик.

Гооооый.

С топором.

Машет им вверх-вниз играючи. После каждого удара рычит что-то вроде «хххк» и чурки летят в разные стороны.

Все-таки чеканулась от обморожения. Видится всякое-разное.

Почему он голый? Подползаю к забору, прижимаюсь спиной. Даже не моргаю.

Вверх-вниз. Бах. Бах! Ба-бах! Щепки летят. Явь! Он настоящий.

Калитка громыкает, но мне плевать. Даже если это сам лесной Дракула, идти мне некуда.

Для Дракулы тела многовато. Это скорее Халк. Да он капец какой здоровый! И не зеленый, а вполне себе телесный.

— Здравствуйте, – пишу, едва владея ртом, пока он окончательно не обмораживается. – Бог в помощь.

Мужик ни слова не говоря всаживает топор в деревяшку и поднимает на меня недобрый взгляд.

Па-ма-ги-те.

Глава 2.

— Ты кто?

Нависает надо мной громада мышц. От гладкой кожи идет пар. Зажмуриваю глаза от страха и снова открываю. Не кажется, нет? А вдруг от страха галлюцинации начались, наверное, бывает и не такое.

Вытянув околевшие губы трубочкой, пытаюсь что-нибудь сказать. Не получается.

Поднимаю руку. Осторожно тыкаю в литую каменную мышцу.

— Эй, – стряхивает руку громадина. – Говорить умеешь? – судорожно киваю в ответ. Но снова ни слова выдавить не могу. – Ненормальная, что ли? – недовольно бормочет.

Скашиваю взгляд вниз. Он не голый. На качке телесные штаны. Только очень узкие. Похоже на трико от термобелья. Качок в колготках. В колготках и валенках. С топором.

— Я замерзла, – сиплю. – Рот замерз. И губы. И весь йижик. Там вофк, – показываю назад. – Пуштите погретша. Я ошень бежава.

— Больная?! У тебя зубов что ли нет?

Чешет затылок.

— Ешть! – возмущаюсь, лежа на снегу. – Вот! – рот не раскрывается. И лицо так от натуги перекашивает, что прям самой фууу.

Козлина какой. Разбирает злость. Я придатки простужу, а он спрашивает про зубы. Мог бы и в дом позвать. Оглобля лесная!

— Памагити, – шепчу из последних сил. – Дайте хоть шчай. Конец наштал.

— Ну если наштал ... ладно. Нанесло тут, – недовольно ворчит мужик, дергая меня из снега. – Как же вы бабы достали!

Взлетаю мерзлой околевшей тушкой. Шлепаюсь об плечи. Ой, как на булыжники приземлилась. Повисаю головой и руками вниз.

Тунц-тунц, тунц-тунц.

Бьюсь лицом о крепкую задницу. А я такого не планировала! Втыкаться лицом в чей-то зад. Пусть хоть это и номинация на самый крепкий и сексуальный зад во Вселенной.

С перепуга упираюсь в поясницу руками, шире открываю глаза, вижу потрясающие прокачанные мужские ягодички. Штаны-то сползли почти на треть. Зажмуриваюсь. Скрюченными пальцами аккуратно поддеваю резинку, натягиваю их выше. Так-то лучше.

Под щиколотками железный хват. Боже, несет как мешок картошки. Одной рукой. Уронит же. Я же не эквилибристка. Я всего лишь йогиня. Богиня йоги. В простонародье «кундалинша» (вид практики Кундалини – прим. авт.)

Под валенками скрипит снег, потом скрипит крыльцо и поет дверь на морозе. Ааах, тепло. Как здесь тепло. Пахнет травами. Мигом обмякаю.

Ровно через секунду упираюсь макушкой во что-то мягкое. Тело немислимо изгибается, пикирую на лежанку. Утопаю лицом в теплом покрывале. На лету громила смахивает с ног кроссы. Изделие немецких знаменитых мастеров безжалостно падают вниз. Капец подноскам (носочная часть обуви – прим. авт.) Перчатки тоже прочь.

Тут же пальцы рук и ног начинает колоть. Сворачиваюсь клубком, а сомнительный спаситель куда-то уходит. Сил нет смотреть по сторонам. Лежу и впитываю тепло жилища. Оттаиваю.

— Слышь, болезная, – рывком поднимает.

Моршусь.

Да что же он меня дергает как припадочный. Сила есть ума не надо. Жаль ответить не могу. Не в том положении, чтоб обраточку влупить. Выпрет еще. Но и с ним небезопасно. Того и смотри сломает что-нибудь. С его ручищами мои конечности перехрястнуть раз плюнуть.

— Я не болезная, – немного растягиваю слова, радуясь, что речь вернулась.

— Раздевайся, – хмурится.

Чтоооо?

Так сразу? Он ошалел? Это плата такая? Сволочь. Какая же сволочь. Все мужики такие. Озабоченные ослы. Спешно отползаю назад. Стуча зубами, спрашиваю.

— З-зачем?

— Не рассуждай. Растереть тебя нужно.

Ааа, то есть ... М-да.

Он настолько хмурый и грозный, что спорить не решаюсь. Вряд ли насиловать начнет, я на сосулю похожа облезлую, а вот сожрать может запросто. Но я же не девственница, чтобы мою кровь в полнолуние пили. Закатываю незаметно глаза от несусветной глупости, в голову дурдом лезет.

— Стаскивай все.

С облегчением замечаю, что громила напялил тонкий свитер. Хоть срам прикрыл и то спасибо. Значит не того ... ни этого. Отлично.

— Отвернитесь.

— Что я там не видел? – возвышается во весь рост.

Лезу в угол лежбища, поражаясь размерам. Я случайно пришла в логово к великану. В мужике точно два метра, а может и больше. Руки кувалды, ноги как у снежного человека. И щетина как у маньячеллы.

— Вы кто? – пишу, скашивая взгляд на мужчину.

Раздражением хлещет по лицу с оттяжкой. У-у-у какой. Плотно сжимает губы. Срезает едким взглядом.

— Леший. Довольна?

Брехун.

Разозлившись, отколупываю молнию на куртке. Еле расстегиваю. Стаскиваю и протягиваю.

— Вот.

— Хуёт! Все сказал снимай. Ты помереть от воспаления легких хочешь? Мокрая до трусов. Быстро все стащила, – командует. – Потом будешь свой «шчай» хлебать. Две минуты на разоблачение.

Вот же гад.

Еще и дразнится. У него что ни разу язык на морозе не отмерзал? Да я даже когда рожок пломбира съедаю, перестаю контролировать дикцию. Все насмерть околеваает. Выпутываясь из одежды, молча закипаю в который раз подряд.

Вынимает откуда-то сверху огромную белую футболку, мега большущие пуховые белые носки и великанское пуховое одеяло. Все рядом со мной приземляется.

— Трусов на тебя нет. Надевай это. Свое здесь сложи, – отрывисто показывает на рядом стоящее кресло. – Сушить будем.

И уходит.

— Зря, – тихо вздыхаю.

Очень хочется съязвить, что не рассчитывала на женские трусы в его брутальном гардеробе. Вряд ли он тайно в них обряжается и танцует в новолуние на лесной полянке. Но лучше помолчать, а то правда выпроводит. А что? Если в колготах рассекает, то оно и ...

Ой! Что я за заноза. Спаслась? Лежишь в тепле? Вот и не жужжи, Ника.

Не жужжу.

Завороженно таращусь ему в след. Как его зовут-то? Спасителя моего? Надо спросить ради приличия. Культурный я человек или где черт поберет!

— Э-э, – неожиданно вырывается из меня.

Да что ж такое. От досады на глаза слезы наворачиваются. Общаюсь междометиями, как недоразвитая.

— Ну? – стоит в полуобороте в дверях.

Боже мой.

Это пособие для изучения анатомии человека. Все мышцы прочерчены, как на картинке. И страшно и красиво одновременно. Опускаю глаза ниже.

— А у вас опять ... — закашливаюсь. — Штаны с попы сползли.

Лесной Дракула зеленеет. Медленно поддерживает штанишки и, окатив напоследок ледяной водой изумрудных пронзительных глаз, с достоинством льва покидает комнату.

Што ш.

Заползаю назад под одеяло. Там переживу свой позор. Ох, Ника, когда же ты ляпать перестанешь!

Глава 3.

Ненормальная.

Покоя от баб нету и не будет никогда. Развелось, как тараканов. Куда от них спрятаться. Остервенело мотаю ложкой по стакану. Разминаю траву и слишком сильно жму. Стекло раскалывается в руках.

— Мх, — отдергиваю ладонь.

Рассматриваю на свету кожу, поддеваю осколок, бросаю в раковину. Не успела приехать один урон уже. Зараза пучеглазая. Отрываю новый пучок, повторяю манипуляции. А штаны реально слезают. Пиздаболка продавщица. «Плотная резинка», блядь. Одно наебалово кругом. Ходи теперь с копилкой наружу. А там такая «ружа», что и сейчас в шоке, как болезная сюда добрела.

Остервенело чешу подбородок. Реально зарос, как леший. Но это ничего. Тут благодать такая, что можно и не бриться. Вайб.

Был. До нее.

Твою мать-то!

Откуда взялась? С неба свалилась. Такие, как она только оттуда и падают. Смелая безбашенная идиотка. Дерзит еще. Заррраза!

Нюхаю отвар. Вроде нормально. Пусть выпьет, иначе реально заболит. Не оберешься проблем. Сколько же девка по лесу отмотала охренеть можно. Но по себе знаю, когда прёт от страха либо невозможное делаешь, либо ложишься и умираешь, сложив лапы. На войне, как на войне. Плавали, знаем как оно.

Худая на просвет, а крепенькая. Беру зелье и с полки бутылку водки захватываю. Растереть нужно. С баней не выйдет. Боюсь переборщить. Да и кто ее парить-то будет. Не я же. Хотя ... Нет!

— Слышь, — выхожу из кухни.

Не шевелится.

Отрубилась?

Подхожу ближе. Приблуда спит. Укуталась в одеяло на манер домика. Свернулась в три погибели и тихо-тихо сопит. Волосы разметались, упали на лицо. Ресницы какие длинные, надо же. И губехи зачетные. Наклоняюсь ниже чисто из любопытства. По краям вишневый контур. Ротик чуть приоткрыт, видны ровненькие зубки. Беленькие, как жемчужинки. Щеки ...

Стоп! Стоп! Алярмос отменяется. Резко выпрямляюсь.

Куда это меня повело? Чо я зубов ровных не видел, что ли. И волос длинных и густых. И ресниц веером. Окстись, Ермаков. Выполни поставленную ранее задачу и будь свободен. Нечего на припшлых девок таращиться.

Понял. Принял. Высуши. Вылечи и выпроводи.

Все слова относительно девушки начинающиеся на «вы — ...» закончены. Понял, Ерёма? Вздыхаю.

Как раз пацаны скоро подъедут, привезут запчастюги на моего зверя. Вот с ними и наладить можно даму. Они у меня парни серьезные, зазря не обидят.

— Эй, – трясусь за плечо.

Просыпается. Резко открывает глаза. Синие звезды настолько очешуительно яркие, что даже такого медведя, как я, берет оторопь. Ничосе. Инопланетянка не иначе.

Зависаем. Она резко подсакивает и тут же со стоном валится в подушки.

— Ммм, – мычит жалобно. – Голова ...

Отлично. Так и знал. Возись теперь с ней.

С досадой вздыхаю. Девчушка вошкается, неловко поворачивается на бок, и футболка задирается, оголяя бедро. Она же без трусов! Вон они торчат из кармана мокрых джинсов. Одежка горкой на стуле сложена.

— Как же у вас холодно, – скулит.

То тепло ей, то жарко, то холодно. Стресс и перепады, дисбаланс темпы хватанула.

Ясно. Если сейчас не согреется, то все, хоть скорую на вертолете вызывай. Молча подтыкаю подушку под плечи, укутываю и подношу отвар к губам.

— Пей, – командую.

Хнычет. Да чо занях! Тут не детский сад штаны на лямках.

— Пей, сказал. Иначе заболеешь и отбонжуришь к утру. Давай, – смачиваю губы.

Кое-как спаиваю стакан. Морщится, но пьет. Как котенок блин.

— Потерпи, разотру тебя. Ложись на живот.

— Не надо меня тереть, – щелкает зубами, – само пройдет.

Смыкаю челюсти. Бесит уже.

— На живот. Быстро!

Испуганно сверкает синевой, боязливо переворачивается. Лью водку на ладонь, щедро смачиваю и не глядя ныряю под футболку. Проезжаю предплечьем по упругим ягодицам, добираюсь до лопаток.

Худая, но мышцы что надо. Иначе не отмахала бы по тайге столько. Невольно замедляюсь, втолковывая себе, так типа надо. Втираю основательно. До красна.

Лопатки. Талия. Поясница. Талия узкая какая. Двумя пальцами обхватить можно. И ямочки на пояснице, чувствую их. Теперь и мне становится нестерпимо жарко. Прямо запекло рожу от ... этого, ну ... Да на хер все! Дотираю водку в тело.

Хватит!

Грудь надо растереть. Но нет. Неудобно при первой встрече по сиськам елозить даже в лечебных целях.

Довольствуюсь пятками. Девушка лежит, притворившисьдохлым кузнечиком. Щеки полыхают у нее просто пиздец. А тело все равно мелкой дрожью обсыпает. Передергивает всю время от времени.

Короче. Стою и думаю. У меня дел вагон. Мотнуть кое-куда на днях надо вдобавок. Если ее тут оставить, может не справиться. Спалит нахрен все. Так что в моих интересах, чтобы к утру была как огурец.

Трудности преодолевать я могу, до женского тела вынослив. Почти.

Короче. Все, что делаю – все по-братски.

Стягиваю с себя одежду. Всю. До трусов. Во мне градусов, как в водке, которой растирал болящую. Откидываю одеяло.

— Вы куда? – лихорадочно вскакивает. – Уйдите отсюда.

— Молчи, – ложусь посередине. Отрывисто наярываю. – Обняла. Прижалась. Греться будешь.

— Ты чего? – переходит в ультразвук. – Офигел совсем?

Без одеяла снова дрожит. Ошалело тарашится.

— Как зовут? – закидываю руки за голову.

— Ника.

— Короче, Ника. Это самый лучший способ не стучать зубами. Не трону, обещаю. Ты не в моем вкусе. Обнимай и прижимайся в лечебных целях. Ясно? Иначе хуже будет.

— Лечебных?! – от возмущения хрипнет. – Думаешь я дура? Ну нет. Я сама согреюсь! Выбрасываю руку и тяну Нику к себе. Задолбала спорить.

Глава 4.

Дрыгаю ногой. Срочно надо реанимироваться и переместиться с лежбища зверя. Иначе каюк. Жарко. Так жарко, не могу терпеть. Открываю один глаз. Господи-боже! Второй открывается тут же. Какая громада рядом. От него пышет жаром, как от печки.

Отползаю к стенке. Ощупываю себя руками. Плохо то, что из забытья выдираюсь с боем. Подсыпал мне что-то хозяин к бабке не ходи. С подозрением кошусь на пустой стакан. На дне лежит мокрое сено. Прекрасно. Морщусь от отвращения. Дурман-травы сто процентов.

Так не по себе. Жуть одна.

Как можно было сломаться посреди тайги, испугаться волка и драпануть не знаю насколько километров вглубь. Как я смогла?

Беговая дорожка на максималках мой предельный предел. Замерзнуть до оледенения и довериться человеку, которого вообще не знаю. Умная или дура, вот в чем вопрос!

А если он маньяк реально? Заманивает красоток и на утро адьес, детка.

Страх забирает.

Рассматриваю своего стражника.

Лежит, развалившись на всю кровать. Руки в разные стороны. Сбоку отпечатались складки. Трогаю лицо. Щека что ли моя? Веду по вмятине. Точно! Я видимо очень сильно грелась. Не грудь, а кузнечные меха. Вздыхает мощно и ... красиво.

Да, надо признать, что он красавчик.

Мысль смущает. Лицо полыхает жаром. Господи. При моем-то положении думать о том, кто красивый, кто нет.

Надо бечь! Спасаться.

Может вернуться к моей машинке как-то, не знаю. Может подождать, вдруг кто поедет. Волки небось ушли, чего им меня дожидаться. А то напоит меня опять сеном этим и буду спать как сурок. Со спящей, знаете ли, что хочешь можно вытворять.

А меня мама не для этого растила!

Я хочу в туалет. Утро же. На то, чтобы почистить зубы даже не рассчитываю. Куда тут можно сходить?

Аккуратно перелезаю через громаду. Иначе никак, кровать как ниша. Упираюсь с двух сторон, почти касаюсь, размаха рук не хватает. Задерживаю дыхание. Почти нос к носу касаюсь. Пожалуйста, не проснись.

Темные густые ресницы вздрагивают. Крылья носа мощно втягивают воздух. И он открывает глаза.

— Ооой ...

Стою в немыслимой асане. Нога одна во взмахе замерла, другая коленкой упирается в мягкий матрас. Руки в напряге и чертова футболка не по размеру начинает сползать с ненадежно прикрытой попки на поясницу.

А я без трусов.

Хоть и линия бедра у меня огонь, как-то не рассчитывала в гимнастической позе черед фиг пойми кем красоваться.

Одежда развешана на веревках. И трусы мои тоже там.

— Доброе утро, – хриплым со сна голосом приветствует, не сводя взгляд с моей обнажающейся потихоньку задницы. Ткань неумолимо ползет. Попа неудержимо обнажается. Если что, она накачанная и вообще орех. Мой безупречный зад даже для рекламы леггинсов снимали. – Растяжка огонь.

В лицо бросается вся кровь, что есть в теле. Мне бы слезть с него, но я не могу. Тело заклинило в моменте. У меня бывает, если что пугает, то сдвинуться с места не получается. Замираю и хоть ты сдохни.

— Опустить ногу, – цежу сквозь зубы.

— Мою? – поднимает издевательски бровь. – Мои на месте.

И снова взглядом свои похотливым по попе елозит.

Похотливым же? Канешшна! Это у мужланов в крови!

— Как разомкнет, я тебе глаз выкушу, – угрожаю бесславно, потому как проклятая футболка все ползет и ползет.

— Как выбираться будешь? – кладет лапу на бедро, тихо тянет. – Чтоб йижик и жубы назад замерзли?

Сволочь! Что я сделаю, если у меня рот сводит. Такая особенность, все немеет, а тут мороз какой был.

Лапа прям не как надо ложиться, а подленьким наглым хватом. Пальцы захватнически расплазуются по бедру и даже немного массируют. Массируют. Да он меня лапает!

— Просто опусти, – бешусь.

— Мышцу прогреть надо, а то совсем заклинит. Не напрягайся.

Мычу сквозь зубы. Так стыдно, так не по себе. Почему влипаю во все и сразу. Почему все никак у людей? Я какая-то уродка на приключения. Обидно до слез. Даже в Тае все подруги отдыхали как надо, а я умудрилась поломать подводное снаряжение.

Сваливаюсь с громилы. Приземляюсь на остывший пол. Подскакиваю с криком.

— Холодно!

— Мгм, – встает с кровати. О, господи, почему он не кончается. Прямо перед носом маячат мощные бедра, упакованные в черные боксеры, с выпуклым внушительным прибором, который обладало утро. Зажмуриваюсь. Смотреть на его размеры можно только под наркозом. Это вообще хоть куда-нибудь помещается? Замечая мою реакцию, громадина усмехается. – Встань, простудишься.

И уходит. Ни руки помощи тебе, ничего решительно.

— Эй, где туалет? – кричу в след.

— На улице. Валенки и тулуп накинь.

Ошалело хлопаю глазами.

На улице да? А как там ... в смысле как туда люди ходят?

Где цивилизованный унитаз я спрашиваю?!

Глава 5.

Наблюдаю в окно, как Ника топает. Тропинку запорошило снегом. Расчистить бы нужно, но не оставлять же гостью голодной. Выбираю еду вместо уборки.

С интересом жду, что дальше будет делать. Она че слепая? Вон будка расписная стоит, не узнать ее невозможно. Ну и дикая ...

Потоптавшись, берет правильный курс. Облокачиваюсь на крепкую столешницу, поправляю резинку спортивных. По загровку прокатывает неконтролируемая дрожь. С чего бы? Лениво ищу взглядом футболку. Вместо этого цепляюсь за ажурные трусики. Еле развесил вчера, там уцепиться не за что. Пара ниток и пара сетчатых цветочков. Кто же в таких по нашему морозу рассекает. Только такие дурынды, как эта.

— Да толкни дверь, балда, – ругаюсь сквозь зубы.

Ника опасливо тянет ручку и вуаля, вашу мать. Заглядывает вовнутрь. Да, смотри чтоб никто за зад не цапнул. Закатываю глаза. Чудная она слов нет.

Задерживаю занавески. Все. Нечего там больше смотреть.

Пока вскрываю бекон, звонит труба. Прижимая к уху, не прекращая выкладывать на раскаленную сковородку куски.

— Ну какие дела?

— У тебя как, бирюк? – ржет Давид. – Не скучно тебе там?

— Нормально. Запчасти когда привезете?

— Тут такое дело, – немного запинаясь, – подождать придется.

— А че так? – переворачиваю зарумянившуюся корку. – Проблема?

— Слушай, Маск. Посиди там, пока не уляжется. Зачем провоцировать?

Нахмуриваюсь. Вот это уже перестает нравиться.

— Сходи на охоту, подыши природой.

— Дав, – вздыхаю терпеливо. – Не колупай мозги. Говори, че там.

— Рвет он под тебя, Макс. Посиди, пока не разрулит батя наш. А запчасти я на пару дней позже привезу. Отвечаю. Для твоего же блага.

Методично вбиваю яйца. Посидеть-то можно. Запасов и всего остального завались. Тем более, что я никому ничего не должен. Хижина моя. А вот заказы на домик автоматически слетают. Как минимум тройку снять придется. Бабки нехилые. Но выбирать не приходится. Дава прав. Надо переждать лихую годину. Такие люди, что с ними как лютному зверю нужно быть очень осторожным. Где-нибудь да оступятся, а там своего не упущу.

— Лара по тебе скучает.

С подъездом.

Выключаю плиту. Сую в рот сигарету. Глотаю дым. Слепо смотрю в окно. Не выходит Ника. Примерзла там что ли?

— Я по ней нет.

Сухо отвечаю. Пиздец. Была и была. Пусть дальше моделью работает. Ей это ближе и роднее.

— Она нашла меня, Макс. Просила, чтобы передал тебе. Просит о встрече.

Две глубокие затяжки затуманивают мозги. Достаю турку, отмеряю арабику. О встрече? Ну да. Обязательно.

— Нет, – прибиваю слова, как гвозди. – Я ей все давно сказал. И хватит свахой подрабатывать.

— Твое дело. Бывай, Макс. На связи.

Кладу трубку на место. Много стоит не разбить аппарат о стену. Успокаиваю подгулявшие нервы. Стерегу пенку, чтобы не пролилось ничего.

Сколько еще будет мозги канифолировать? Выбрала жизнь, живи ее, в мою не лезь. Был шанс. Не захотела, да и пошла ты.

Приблуда там приморозилась?

Раскладываю завтрак по тарелкам. Кофе по маленьким чашкам разливаю. Неплохо. Кто сказал, что суровые сибирские мужики не эстеты? Еще какие.

Ника открывает дверь. Даже через стекло вижу вылупленные глаза. Что там произошло? Губы шевелятся, лицо напряженное и ...

Упала что ли?

Еле идет, тяжело переставляя ноги. Твою мать, она мои валенки обула. Сорок шестой размер! А у нее едва тридцать семь. Оценил, пока пятки водкой натирал.

Она сама в этот валенок поместится.

Около обувной полки обувь в ряд стоит. Там и меньше имеется и тулупы поменьше висят. На хрена все мое было брать?

С острым раздражением продолжаю смотреть, как волочется. Вот на хрена она мне? Ответственность, все дела. Чувствую обязательность за нее. Знать не знаю, а чувствую. Солдат ребенка не обидит? Хотя из нее ребенок, как из меня балерина. Особенно когда футболка задралась и съехала. Вот где обзор так обзор был.

Но меня это не касается.

На хер этих баб. В смысле в жопу. Да сука! В смысле пусть идут на ...

Так. Все. Отставить перечисления. Пошлятина одна получается, как ни крути. Но только в мыслях.

Выглянув в окно, едва не лопаюсь от злости. Доколе? Доколе я спрашиваю эта белобрысая будет меня изводить?

Сидит в сугробе. Упала и не может подняться. Чертовы валенки никак не соберет в кучу.

Завтрак безнадежно стынет, пока я, собирая маты, натягиваю одежду иду забирать неумёху. Не успеваю подойти, как она вся красная и злая поднимается. Коленки красные, руки в царапинах.

— Ты что не мог сказать, что под снегом гололед? Я разбилась вся в этих говнодавах! — трясет ногами и валенок слетает.

Взваливаю ее на плечо, быстро несу в дом. Простудится окончательно, зараза приبلудная!

Глава 6.

Шикарно!

Апартаменты огонь. Дыра в полу — эт прям мечта. Нет, я понимаю, тайга, лесник или кто он там, дровосек. Может егерь! Не знаю! Неприхотливый и все дела. Но!

Дыра в полу! Пусть там все круто отделано, завитушки, деревяшки, вензеля. Но это что за народное творчество?

Брехня, что мы тут девушки тоже суровые. Мы нежные. Мы продвинутые. Мы хрустальные! Можно нам условия организовать человеческие? Дом-то ого-го какой. Забор огромный. Территория аховая. Нельзя было в самом доме все организовать?

Возмущению нет предела.

Внезапно вспоминаю свою машину. Замерзла небось там до оледенения. Тронь и расколется. Как ее забрать?! Или фурой какой встречной снесло в канаву и разбилась она к чертовой матери. Я за нее еще кредит конский не выплатила. Не проценты, а кабала вечная-перевечная, как мерзлота. Жесть.

Еле слезаю с пьедестала. Ноги в разные стороны. Околела вся, как строганина. Самая тонкая стружка из меня получится. Макай в соль, да ешь. Кое как отпираю дверь. Чувал, а не дверь. Бронебойная. Упираюсь, валенки скользят. Стопы елозят туда-сюда.

Едва вывалившись оттуда, снова поскользываюсь на занесенной тропке. Волк не сожрал, так здесь убьюсь.

— Ааах! — ныряю в сугроб.

Задохнувшись от колкого снега, ору. Холодно. Мерзкий снег обжигает. Барахтаюсь в нем, как в клею каком. Обезумев от борьбы, взлетаю вверх. Валенки падает. Хлопаю по спине громадину. А это он! Да!

— Ты что не мог сказать, что под снегом гололед? Я разбилась вся в этих говнодавах!

Про пьедестал молчу. Нечего рассказывать. Там позор один.

Меня вносят в дом, рушат снова на кровать. Дракула лесная молча подходит к шкафу и достает спортивный костюм. Я два раза могу в него обернуться. Но другого ничего нет.

— На, — швыряет. — Надевай. И не ори ради бога, — морщится, — ты меня оглушила. Маленькая, а орешь пиздец, как шатун зимой.

Штааа?! Закипаю в секунду.

Так меня ... еще никто ... не оскорблял! Ар-р-р! Шатун? Облезлый шатун в паразитах?! Я?!

От возмущения глаза расширяются. Оглобля невозмутимо удаляется.

— Эй!

— Я не «эй», – осекает. – Я Макс.

Деловой какой. Ну Макс и Макс. Я вообще-то сказать спасибо хотела. Как умею, так и хотела. За спасение.

Нет так нет. Молча подворачиваю огромные штаны и рукава толстовки. Отыскиваю носки. Затягиваю на штанах веревку и вроде жить можно.

Плохо, что расчески нет и зубы я так и не почистила. Но в целом сойдет.

Разделяю волосы на пробор пальцами, плету косы. Скручиваю и закрепляю. Волосы послушно держатся, хотя бы в этом мне повезло. Сажусь на кровать обратно. А из кухни такие запахи, аж голова кругом.

Не сидеть же. Я тоже есть хочу. Надо сбавить спесь, иначе от голода конец настанет.

Медленно иду к Макс. Неторопливо обзираю хоромы. А тут очень даже прилично. Шкуры там всякие, чучела. ЧУчела?! Подхожу ближе. Ну ничего себе, вот это сова. Красота нереальная, как живая.

Замираю над ней. Очень хочу потрогать, но не буду. Не буду, конечно. Я ж в гостях.

Буду. Я передумала.

Поднимаю палец. Какое крыло великолепное. Загляденье.

— Ооо, – восхищаюсь.

— Стоять! – резкий окрик остужает порывы.

Замираю. Остановленное сердце снова начинает стучать.

В проеме маячит Макс. Подпирает плечом притолоку, как Атлант землю.

— Иди на кухню. Все стынет.

Молча семеню за ним. Ладно. В другой раз рассмотрю получше.

Мне бы такую домой. Я бы ее на стол поставила и любовалась. А дома теперь кошмар. Падает настроение тут же. Там Гриша козел и его козлиха. Пусть я его бросила, но все же. Дух предательства долго не выветривается. Да и встречу с ним в городе по любому. Пока не готова в наглые глаза смотреть.

Сажусь и ни слова не говоря, ем. Запихиваю в себя еду, не чувствую вкуса настолько расстроилась. Отпиваю кофе. А вот кофе божественный. Такой не в каждой кофейне сварят. Все пропорции идеальны. Восторженно закатываю глаза, позабыв печали.

Я такая, да. Отрезаю мысли. Иначе не смогу. Свалюсь и долго-долго болеть буду. Откуда у меня привычка уметь терпеть душевную боль? Хм ... Лучше не знать. Я как барон Мюнхгаузен могу вытащить себя за волосы, так что такие дела. Жаль врать так не умею.

— Вкусно, – впервые улыбаюсь мужчине.

Макс серьезно смотрит на меня. Его тарелка пуста. Кофе выпит. Руки свободно лежат на столе. Огромные плечи, как бетонные плиты с изящной волной. И взгляд его особенный.

Взгляд суровый и от того кажется, что пронизывает насквозь. Видит кто я и что я на самом деле. Это и страшно и завораживает одновременно. Так пристально смотрит. Глаза необычного зеленого цвета. Редкие. Солнце бьет прямо в окно и расцветивает изумруды Макса, но легче не делает. Меня неожиданно прибавляет к стулу.

— Что-то случилось? – отбрасываю привычную дурашливость. Впервые за все время, что здесь, становлюсь серьезной. Защита юмором спадает легкой завесой. Беспokoйно ерзаю. – Макс?

— У тебя пенка здесь, – басовито рыкает и перегибаясь через стол стирает пальцем.

И снова этот взгляд. Нет в нем ничего дурного. Нет пошлости и хамской грубости. Есть иное.

То, чего я никогда не видела в мужчинах.

Молча воспроизвожу в рецепторах прикосновение. Боже. Ну какие руки. Мужские и ...
Ооой.

Глава 7.

— Нарушив мой земной покой, – бормочу под нос. Сидя в сарае, чищу стволы. От «пенки у рта» ушел куда подальше. – Ты от какой отбилась стаи. И что мне делать с тобой такой. Я не знаю. (песня И. Талькова – прим. авт. Да-да, Ерема романтик иногда)

Любопытная мартышка весь дом излазила. То туда сунется, то там зацепится. Вроде взрослая. А дури в голове жесть. Мозгов, как курица насрала. Сиськи выросли, а серое вещество нет. Хотя сиськи зачет, я заценил. Очень сильно заценил. Отвечаю. Дыньки так и манят потрогать.

После отвара футболка задралась выше некуда. Всю обсмотрел. Еле уснул потом.

Так. Не отвлекаться.

Складываю патроны. Все от деда досталось. Храню гладкостволку как зеницу ока. Много есть из навороченного, но эта милее и ближе сердцу. Дед был человек с большой буквы. Я в него, кстати. Насчет большой буквы в отношении себя не знаю, а вот роста всех дел – да. Все прям на «Б!».

Хруп. Хруп. Хруп.

Да ёб ...

Раздраженно вздыхаю.

— А можно я посижу тут?

— Садись, – хмуро показываю на низкий табурет.

Без шапки. Ну не балда?

Льняные волны спадают вниз. Переливаются в утреннем морозном солнце. И глазищи невероятные. Блестят, как топазы. И губёхи её. Отвожу взгляд. Продолжаю заниматься суровым делом. Нечего баб разглядывать. Если только как эстетику и все.

— А вы куда?

— У нас вроде не учительская. И мы не педагоги. Можно на ты, – отчищаю тряпки. – Забыла, что перешли уже грань?

— Извини, – беззащитно и открыто улыбается. – Забыла. Ты куда-то собираешься?

— Куда-то да.

Ника снова улыбается. Отложив промасленную ветошь, невольно залипаю. Опять светится. Реально красивая девка. Не такая, как моя бывшая. Там больше стервозности и женской хитрости. Хотя какая Лара бывшая. Вон встречи просит. А у меня уже никак. Зачем? Я не прощаю таких вещей. Это хуже предательства.

На душе становится тяжелее. Хотя куда уж зашкварнее, когда в город вернуться нельзя. Че-т заебался ждать, пока там со всех бычка сойдет. Бывает в моей профессии ... никто не от чего не застрахован. Сорвался. Ни первый ни последний раз. А нечего из себя бога корчить, может тогда и прокатило бы без мордобития с последствиями.

— А куда?

— Ник, там женщинам делать нечего, – пресекаю возможность напроситься.

Холкой чувствую, как намыливается. Засовываю в рот сигарету, со вкусом вдыхаю дым. Маню пальцами, чтобы поднялась, я уже здесь закончил.

— На охоту, да?

Грустная сразу сделалась. Губеки бантиком свернула и стоит бровки жалобно подняла. Непонятная херня шпарит под ложечкой. Меня будто в сплетение тараном засаживает. Молчу. Не от того, что бычу, просто тянет под ребрами сильно. Мгновенное кислородное голодание. М-да.

— А машину мы заберем хоть когда-нибудь? Мою.

Машина ее еще. Помню. Не забыл.

— Я же объяснял, что ты свернула не туда. Ты вообще в аппендикс заехала. Не волнуйся, никто ее не заберет. Если только волки обоссут немного, – успокаиваю. – Мои приедут, привезут детали и пригоним на буксире. Подшаманим.

— Позвонить им нельзя, – хлопает глазами, – чтобы побыстрее? Бабушка с ума сходит. У меня и телефон там остался. И все-все-все.

Можно. Но тогда мне пиздейшен.

Ника, конечно, симпатичная, но не до такой степени, чтобы моих парней отследили и за ними сюда приехали. Они сами связываются, а мне табу. И хер знает, что от нас тут может остаться. Кто простит сломанное мажористое лицо? Так что ответ – нет.

— Ты в курсе сколько отмахала? – съезжаю с темы. – Добраться будет проблематично. Плюс еще местонахождение. Координат точных нет. Рисуем заблудиться и быть сожранным тем волком, который тебя не дожрал.

— Ясно, – уныло тянет. – Может возьмешь меня с собой? – умоляюще. – Я от скуки помру.

Теперь я впадаю в уныние. Таскать за собой? Ну возьму. Потом «дай стрелнуть» и дальше? А нихера дальше. Все испортит и домой пойдем. Бабы – зло!

Но с другой стороны. Сломает здесь все и спалит к чертовой матери дом.

Продавливаю фейспалм.

— Пошли, поищем тебе что-нибудь из одежды.

— Да я в своей могу. Высохла небось.

— Обязательно, – подталкиваю к двери. – Еще раз жопу наморозишь, а потом «йижик» будем «шчаем» греть.

Идет и молчит. Не оговаривается. Правильно делает. Плавные бедра покачиваются. Мой тулуп хлопает ее по ногам. Даже при большом объеме скрывающей Нику овчине, все равно угадывается плавная поступь лебедушки. Ооо, понеслась косая в баню. Лебедушка. Понес чего зря. Клянусь, все от недотраха.

Специально задерживаюсь на крыльце. Загребаю горсть снега, протираю лицо. Мне бы не только лицо протереть, а кое-что пониже. Чисто физиология шалит. Нечего придумывать. Все просто как два плюс два. Недоеб это. Вот и мерещится всякое.

В коридоре снова гремит. Ну не девка. Сейсмическая активность просто. Как пить дать опять нагребнулась где-нибудь. Снимаю с самой верхней полки валенки поменьше. Это тоже сохранил от деда. Слежались немного, а так нормально.

— Ника, – захожу даю ей. Сидит на стуле, трет коленку. Едва не закатываю глаза. – Примерь.

Пока натягивает, собираю в шкафу плюс-минус хаботья, которые можно подвернуть и затянуть. Возвращаюсь со стопкой. Сидит довольная.

— Ну как?

— Как раз.

Западаю на белозубую улыбку. Сам себе поражаюсь. Луплюсь как на восьмое чудо света. Такая она необычная. На кусочек солнца похожа.

— Макс? – прячет зубки, беспокойно хлопает ресницами.

Молча отдаю ей одежду.

Смывается. Ловлю свое отражение в небольшом зеркале. Глаза неадекватные и поплывшие. Бери себя в руки, Ерема. Ох, бери. А то настреляешь в лесу белок-шишек. Доведет тебя до греха приبلуда белобрыся.

Глава 8.

Меня взяли! Ура!

Как красиво. Иду за Максом, похрустывая снегом.

Красиво тут. По краю очень-очень увлекающе бело. Все блестит и переливается. Мы будто в сказке. Пушистые ветви укутаны блескучими подушками. При лучах солнечного света глазам смотреть больно.

Завороженно трогаю богатство. Боже. В душе восторг и детская радость. Я снова маленькая. Папа брал меня несколько раз с собой. Навсегда осталось в памяти. И больше ничего. Вот так.

Для меня такая редкость соприкоснуться с природой. Проникнуться ей и насладиться как следует. Господи, какие сугробы. Выше меня ростом. Снег слепит, отражает блики. Роскошь природных бриллиантов.

Замираю. Вдыхаю морозный и чистый воздух. Его хоть ешь, хоть пей.

Отстаю немного от Макса. Он прибавил шаг. А я не могу налюбоваться волшебством. Меня распирает.

— Он бежал и сильные рога, – тихо пою, комкая снег. – Задевали тучи-облака. И казалось, будто бы над ним. Становилось небо голубым* (слова Ю. Энтин – прим. авт.) Вернись, лесной олень. Ооой! – утыкаюсь носом в Макса.

Он нависает надо мной.

А чего морда такая злая, а?

— Ты чего?

— Какие рога? – опасно вспыхивают глаза.

— Где?

— Ты сказала про рога.

— Тьфу, ты. Я песню пела.

— Мда? – прищуривается.

— Лесной олень, – напеваю ему.

Лицо Макса разглаживается. Он слушает еще куплет, который старательно исполняю. Жалко табуреточки нет, может конфетку бы дали. Договариваю последние слова, и он снова шагает вперед.

Чешу нос.

С чего такая реакция? На рога-то? Может ему кто изменил?

От дурной мысли останавливаюсь. Да разве такому можно изменять? Он красавчик. Молчаливый и грубоватый, но чувствуется в нем ошалелая мужская сила. Стержень есть. Он пахнет кожей, сталью и порохом. Да Макс как Бэтмен, но наш. Лесной Бэтмен.

Пффф. Но мне-то изменили. А я тоже если что не самая страшная партия. Правда на рога почему-то так бурно не реагирую.

Хрупаю по снегу. Странно жизнь виляет. Я в тайге. Одна. С почти незнакомым мужчиной. Я застряла фиг знает насколько и что? Ничего. Почти не боюсь. Правда в городе пережила, если приходилось из темного двора в подъезд бежать. Гриша встречал, но редко. Занят был. Собой. Не мной. Да и холодно ему всегда было.

И вот еще нюанс. Отчего-то мне с Максом спокойнее. Может сошлись полюса. Бывает же, что люди знакомятся и сразу проникаются. Я вон так прониклась, что в первую ночь с ним в одной кровати провела. Правда так надо было по медицинским народным показателям. Сама бы по своей воле ни-ни.

Макс останавливается.

— Кто там? – шепотом спрашиваю.

Стою у него за спиной. Увидеть что-то из-за этой стены нереально. Высовываю нос сбоку. Никого.

— Макс.

— Тихо, – прислушивается.

Стою. Жду. Наконец он отмирает.

— Макс, – зову.

— Ну?

Ну и шапка у него. Огромная. Он как великан, а я кнопка в сравнении. Глазищи зеленые-зеленые, будто инопланетные. Чуть водянистые. Таких глаз — одни на миллион.

— Дай пострелять, – замороженно шепчу.

В глазах блещут смешинки. Склоняется ниже, почти моего носа своим касается и хрипло рычит.

— Нет.

Обидно.

— Почему?

— Ты когда выстрелишь, тебя отдачей на сто метров отнесет.

— Какой отдачей? – не понимаю.

— Пой песню, Ник, – усмехается. – У тебя это лучше получается.

— То есть я дура незамутненная? – возмущаюсь. – Я между прочим Кундалини занимаюсь! И Хатхой!

Макс усмехается.

— Кунда ... что?

— Да иди ты! – бешусь. – Не нужно мне твое ружье.

— А-ха-ха! – смеется, злит еще больше. – Сектантка?

— Ты чего дурной?

Придурки несовременные. Да я гнусь лучше любого гимнаста. Асаны знаю такие, что и не снились. Ненавижу, когда унижают мои увлечения. Я может и пробежала тогда столько благодаря дыхательным практикам. Включились на автомате.

Ухожу от него. Пусть бродит один и стреляет сколько влезет. Тяжелые шаги и рывок. Подтягивает меня к своему лицу. Злой, как собака.

Мне становится не по себе. То смеется, то рычит. Может у него все же биполярка?

— Никогда от меня не убегай. Будь всегда рядом. Поняла?

Это он про сейчас или про всегда. Не поняла.

А куда он ... лезет?

Ой, мамочки ... Я не ... Ммм ... Его губы ...

Горячооо.

Глава 9.

«Будь рядом» это как?

Как пьяная шатаюсь от прикосновения губ медведя в огромной шапке. Это ж невозможно, чтоб первый встречный так варварски приятно целовал. Пусть немножко совсем, пусть прям капелюшечку, но поцеловал же.

Застываем взглядами. Мой голубой скрещивается с его колдовским зеленым. Как рыбка губами хлопаю, молчу. Из-под нависшего меха сверкают водянистые изумруды. И брови его ... Ошалело тяну варежку к лицу. Макс не двигается. Хмурится.

Чего же теперь хмуриться, если губищи свои влепляет во что попало. То есть я не что попало, просто это ...

Тааак!

Смаргиваю одуревшее состояние. А чего это Шаталова ты так растеклась подтаявшей снежинкой. Он чужой вообще-то. Он черт знает кто? Изнасилует тебя сейчас у елочки, плачь потом.

— Испугал? – расстреливает взглядом.

— Да иди ты, – толкаю его в грудь, гордо иду мимо.

Отлично. Давай еще тут поссорься с ним, чеши по тайге одна. Пусть тебя дождрут уж, что размениваться.

А нечего меня целовать без спроса. Может я правда сектантка какая или с особенностями. Нервными, например.

А губы у Макса, конечно, м-да ... Ох, какие губищи. Голова кругом. И не только голова. Да я чуть в обморок не грохнулась. Упругие. Захватнические и такие властные. Настоящие мужские губы. У Гриши не такие. Тот манерничал больше.

Да что ты несешь, Шаталова?! Злюсь на себя.

— Стоять, – железный хват за воротник.

Неловко взмахиваю руками.

— Ты озверел? – едва нахожу равновесие.

Макс молчит. Разворачивает за плечи и строго распинает взглядом. Долбаный колдун. Не пошевелиться от зеленого гипноза. Даже рот сохнет. Невольно облизываюсь. Ресницы Макса смыкаются. Распахивая глаза, пристально смотрит теперь на мои губы.

О, госпааадиини. Как мне устоять в скользких валенках.

— Нельзя? – совсем немного улыбается.

Тело начинает выдавать немыслимое. Плавлюсь под двусмысленным взглядом мужчины. Он такие флюиды источает, что от переизбытка вот-вот отрублюсь. Витаю в необъяснимой эйфории и в глубине души отчаянно жалею, что стою перед ним в дебильной одежде, наряженная как кочан капусты и в шапке дурацкой.

Хочу быть красивой.

— Я не целуюсь с первыми встречными, – лепечу, покраснев до кончиков ногтей.

— Это был обогрев, – невозмутимо. – Чтобы снова не замерзла.

Опускаю глаза долу. Мда уж. Брехло. Запал на меня и признаться боится, да?

Пряча улыбку, отворачиваюсь. По тропинке летит белый комок. Летит прямо к нам под ноги. Оглушительно визжу и поскальзываясь заваливаюсь набок, утягивая Макса за собой.

— Что ты творишь? – рычит. – Это заяц.

Упираясь руками по бокам, проваливается в снег, наваливается на меня. Лицом к лицу. Близко-близко.

— Тихо, – хрипло шепчет.

Замолкаю.

Все проваливается прочь. Мы падает в странный вакуум. Лишь он и я в пространстве. И вибрации. Мое тело поет как тибетская чаша. Звук тех самых вибраций то ускоряется, то затихает. Сама себя не ощущаю. Я нерв. Оголенный поющий нерв.

— Макс, – шепчу. Наклоняется ближе. Смешивает наше дыхание. – Ты же не собираешься ...

— Собираюсь.

И все.

Сметает поцелуем. От первого касания наглого языка сама не своя делаюсь. Как гулящая кошка выгибаюсь на встречу. Меня так никто никогда не целовал. Нежно и грубо одновременно. Властно и мучительно эротично.

Парень — бог поцелуев. Официально.

— Ммм, – нечаянно вырывается.

Чувствую его улыбку.

Завороженно трогаю лицо. Веду пальцами по линии челюсти. Задыхаюсь от остроты ощущений. Это не мужик, это атомная бомба. И мне не стыдно это признавать. Боже, да он просто огонь.

Шаталова, ты падшая женщина.

Разве так можно? Укоряет внутренний голос.

Иди на хрен! Посылаю его куда подальше. Меня тут бог секса целует.

Бедра бессовестно сводит. Задыхаюсь от напора Макса. Мои трусики снова промокают. Уже не от растаявшего снега. Я истекаю от другого. Стыдно, но стыдно у кого видно? А меня все закрыто. Ааа! Верните мне мозг.

— Замерзнешь, – насмешливо.

Уже все? Обескураженно таращусь осоловелыми глазами на зеленоглазую мечту женщин. Хочется воскликнуть, эй, я могу еще полежать немного, но тогда точно клиника.

Точно. Я падшая. Впервые в жизни веду себя, как кошка гулящая. Смущаюсь окончательно. Вылезаю из-под Макса. Молча поднимаюсь и иду в сторону дома.

Так себе из меня соблазнительница.

Глава 10.

— В баню собирайся.

— Чегоооо?

Поджимаю ноги. Чего это я по баням должна расхаживать? Нет, конечно, хочется, но нет. После того, как пришли Макс даже в мою сторону не смотрит. Точнее, смотрит, но мне от этих грозных стрел страшно и ужас как некомфортно.

Я его не понимаю!

Поцелуй его эти провокационные. Руки распускает.

Бросает в пот от воспоминаний про поцелуй. Это нечто из космоса. Не знаю, как выразить. Это как будто тебя миостимуляцией с мгновенным эффектом приложило и выбросило в кувыркающейся капсуле за пределы ощущений. Ну не может так женщина реагировать, он мне точно что-то подсыпал в чай. Не зря же там это мокрое сено было. Приворотная трава не иначе.

Стягивает свитер. Дурацкие штаны сползают на бедра. Он ведет себя так, будто меня нет. Спокойно идет через комнату в кухню. На пояснице умопомрачительные ямочки. А спина вообще преступно брутальна.

— Оделся бы, – с досадой выпаливаю, пересаживаясь с бедра на бедро.

— Зачем? – несет пушистые полотенца. Бросает поверх черные боксеры. – Купаться же.

Вот-вот. У меня и было-то передыха час, когда он топил эту чертову баню. О, боже, когда уже отсюда уеду. Когда там его медведи приедут и привезут детали на машину. Пешком идти нельзя, я же не самоубийца.

А с ним оставаться становится опасно. И ни хрена это не стокгольмский синдром.

Официально заявляю, можете считать меня ужасной и плохой, но Макс опасный и будоражащий. Мне ох как беспокоит с ним. Понятия не имею как себя вести. Таинственный, как граф Монте Кристо и грозный как Росомаха. Там такой симбиоз намешан, что пространство взрывается и никакая нидра-йога не поможет. Хотя очень хочется прямо вот в эту минуту сесть в асану и хотя бы немного сердечный ритм восстановить.

Опасливо кошусь на Макса. Выгонит небось тогда. Где он и где йога. Как палец и жоп ... Ой!

Я и так на него впечатления не очень произвожу, несмотря на поцелуй. Это была случайность. Дразнил! Вот и вся морковь! Если в асану сяду, боюсь вызовет экзорциста. Хотя мысль, с ним можно как раз и уехать.

Пальцы сами по себе складываются в мудру. Позвоночник выпрямляется, и макушка тянется к солнцу. Ноги-лотос.

Вдооох. Задержали дыхание. Раз. Два. Три. Четыре ...

— Ты идешь или нет?!

Сдуваюсь. Гад. Че еще сказать. Никакого уединения и освобождения сознания.

— Я медитирую! – сквозь зубы говорю.

— На меня? – лыбится.

— На Бхаджана (йог и предприниматель – прим. авт.) – злюсь.

Макс скрещивает руки на могучей груди.

— Сектантка все-таки?

Возмущению нет предела. Он в уме или совсем дурак. Какая сектантка? Это йога!

— Да, – рот сам за себя говорит.

— Понятно, – поджимает губы. – Как называется?

— Кундалини-йога, – делаю рот куриной жопкой. Меня оскорбляют люди, которые пренебрежительно относятся к увлечению других и критикуют. – Советую.

— Да? Я уже. Тоже того. Приобщился. Принадлежу сообществу. Не одной же тебе ... кхм ... просветленной быть.

— К какому? – живо спрашиваю.

Сейчас покажу пример, как надо жить в принятии. И уважать выбор естественно.

— Лесная братва. Бронированные снеговики. Слышала о них?

Гад! В запале бросаю подушкой. Ну просто без комментариев.

Смеясь, перехватывает.

— Идем, Ника, – впервые сверкает белозубой улыбкой. – Не бойся. Не трону.

— А я не боюсь, – бормочу сразу смущаясь.

Намекает мне тут. Нечего! Никто никому не собирается конфет отсыпать.

— Ды да. Зеленая сидишь. Забей на невинный поцелуй, – вертит пятерней в воздухе. – Это по-дружески, – подмигивает.

— Даа?

Что-то дружеский взгляд не очень у него получается. И вот сейчас куда смотрит? Натягиваю на ноги просторную футболку пониже.

— Попарю просто и все, – в глазах черти пляшут.

Его «попарю» звучит как в порнофильме. А я такие «асаны» из кино ХХХ принимать не намерена. Не на ту напал.

Дааа! Высокомерно смеряю взглядом. Даааа! Хм ... Дааа... же ж? Что за вопрос идиотка!

— Нет! – выпаливаю.

— Не вру, – стирает пикап мгновенно. – Отвечаю, буду примерным. Могу и не парить, как скажешь.

— Точно?

— Давай, Ник, – подгоняет. – Заболеть решила? Если хочешь уехать здоровой, соблюдай режим. Тебе по-хорошему сегодня никуда идти не надо было. Промерзла ведь. Так что не выделяйся. Да можешь не загоняться, ты не в моем вкусе.

— Ну раз так ...

Слезаю с кровати. Молча сгребая даденые (словами утрирую – прим. авт.) вещи. Мне почему-то обидно от его откровенности. Но разве не этого хотела? Это же безопасность и гарантия, что останусь неприкосновенной.

Все равно кисло, самооценка падает в ноль. Плетусь впереди Макса. Как дура в тулупе и валенках. И снова без штанов. Забыла. Пониже спины будто сковородкой горячей припекает. Я самодостаточная личность и без проблем понимаю, что сейчас на верхнем полупопии сосредоточено чужое внимание.

Ведь он смотрит? Он смотрит?!

Резко разворачиваюсь. Дракула не успевает поднять поплывший взгляд. Торжествующе щелкаю пальцами! Попался. Птица, блин, брехун! Хо-хо!

Закатив глаза, Макс заталкивает меня в предбанник.

Бла-бла-бла. Не в его вкусе. Стягиваю тулуп.

А что я радуюсь-то? Если в его, то ...

Можно мне обратно?!

Глава 11.

— Я не пойду, – поджимает ноги. Пол прохладный. Молча бросаю резиновые тапки. – После тебя помоюсь.

— Не получится, – снимаю штаны.

Покраснев, резко отворачивается. Как маленькая, раздражаюсь на ее реакцию. Я баню по сто раз топить не буду. Да и пропарить ее надо как следует. Ведь это единственная цель, да Макс? Поправляю дернувшийся член. А то! Да ... Конечно, да.

— Почему?

— Не задавай тупых вопросов. Не бойся, не трону. Сказал же, – морщусь от набрякшего стояка.

Чтобы не смущать заматываюсь полотенцем потуже. Пусть выдохнет. Ника беспомощно переступает с носка на носок. Залипаю на аккуратных пальчиках. Пяточки розовые-розовые. Идеальная стопа. Мечта. И вообще огонь. Да ёёёёб! Присоединяюсь к фут-фетишизму Квентина.

— Можно я в футболке?

Пожимаю плечами. Хорошего мало, конечно, но хоть в чем-то пусть идет. Как следует выеб ... Твою мать — рывкаю про себя.

Вы-па-рю! И пусть чешет в дом.

Открывает дверь, закашливается. В лицо бьют клубы горячего пара.

— Ужас, – захлопывает сразу.

— Ты как не тут родилась, – нахлобучиваю на Нику шапку.

— Я тут, но не увлекаюсь всем этим, – ведет вокруг. – Это сплошное убийство организма. Вот хамам это да. Там ... Что такое?! – возмущается на нетерпеливое подталкивание.

Ну задрала ей-богу, сейчас весь жар выпустит.

— Ясно, йогиня! Залетай, – подталкиваю еще.

Отодвигаю таз с запаренными вениками. Ника, закрыв нос присаживается на самый край. Футболка мгновенно мокнет.

Отворачиваюсь, потому что ... ууух. Вот это сос ... Бляха. То есть вот это ... эти!

Да нахрен слова подбирать! Дыньки — зачет! Девки убиваются на пластике, добиваясь такой формы, а у Ники свои. Отвечаю – свои. Сглатываю гребаный тягучий ком.

— Парить тоже в майке? – деревянно улыбаюсь.

Фыркает.

— Я могу сама. Чего сложного, бери веник и лупи себя с размаху.

— Ооой, умняшка какая, – ржу с натягом.

Она стягивает шапку и скручивает влажные волосы узлом. Четенькая какая. Носик, губешки яркие, помню их вкус. К сожалению, очень помню и не отказался бы еще попробовать. Невольно свои губы облизываю. Мед, а не девушка!

— Ложись, – мягко заваливаю ее на полоч. – На живот, – командую.

— Эй! – возмущается.

Ткань влипает в кожу. Закусив щеку изнутри, пялюсь на изящную спину. Картинка просто, а не Ника.

Так. Хватит. Баста.

Неожиданно злюсь, не хер в полотенце стоять. Я в бане, значит мыться буду как привык. Сдергиваю с себя набрякшую махрушку, влажным шлепком приземляется на пол. Зачерпываю ковш и лью на печь. Клубы пара сжигают легкие. Ника сжимается в комок.

— Тут как в аду, – ноет.

Мгм. Я тоже сука как в гребаном аду.

Елозит. Вытягивает перед собой изящные руки, и я представляю, как вхожу в нее сзади и жестко трахаю. Картинка настолько явная, что реально член дубенеет. Приблуда моя становится осязатее и желаннее, а член все грустнее и тверже.

— Снимай, – резковато бросаю. – Так никто не парится.

— Не буду.

— Снимай!

— Я не ...

— Да че ты как маленькая! Снимай живо.

Стаскивает хламиду, не поднимая глаз. Отшвыриваю тряпку к своему полотенцу.

Не смотри. Не. Смотри. Не, твою налево, смотри!

Вытаскиваю веник и стряхнув лишнее разгоняю пар над спиной. Короче ...

Оглаживаю тело от лопаток до пяток. Едва касаюсь и ...

Блядь, вот это попочка! Хочется отшвырнуть веник, сграбастать ладонями раскрасневшиеся ягодички, погладить и кааак ... по самое не хочу. И драть потом как сидорову козу. Драть и шлепать по раскрасневшейся сочной заднице.

Твою мать! Стоп. Заткнись, Макс. Просто на хрен заткнись!

Хлопаю по телу, разгоняю пар и работаю. Молчит, ничего не говорит. Сопит только. Закрылась шапкой по самую лавку. Парю ее как следует, но с поправкой на девочку-приде-вочку. Стараюсь, короче.

И от этого старания мне сейчас мозги взорвет. Особенно когда Ника немного пописки-вает, извиваясь во все стороны.

Издевается, заррраза.

Кожа упругая, мокрая и влажная, кое-где прилипли листочки, на попе есть тоже. Краси-вая линия плеч, лопатки выступают. Узенькая восточная талия и дальше мне просто пиздей-шен.

На рассматривании бедер уже инфаркт члена схватываю. Ножки ее ... Это мечта. На моих плечах в самый раз бы смотрелись.

— Ооо, – тихий стон вводит в лютую дрожь.

Передергиваю плечами. Сгоняю морок.

На хрена так провоцировать?! У меня младший брат сине-красный от прилива крови.

Окатываю спинку и бедра водой из ковшика.

Рука разморено срывается и мягко пикирует. Кожа чуть пружинит. Это пиздецки зали-пательно, раздрающе зрелищно.

— Повернись, – хриплю.

Ведь спереди тоже надо попарить.

В запале она, не споря разворачивается. Грудь колыхнется, пока приблуда укладывается. Потом нас будто переключает. Ника едва не подскакивает, закрывает соски ладонями, испу-ганно косится на мой стояк.

А там да. Стояк! Там сука пизанская башня даже с таким же наклоном.

— Макс!

Поздно.

Хуле «Макс», когда мы тут голые. Не планировал так распалиться, но Ника такая охуен-ная, что мне труба. Я не могу не смотреть.

Кладу веник на ее бедра. Еложу по ... прямо там концентрируюсь.

Пальцы Ники пропускают яркую вишню. Не могу оторваться. Взгляд прилипает на мощ-ный эротический суперклей. Красиво пиздец как. Перемещаю веник на грудь, делаю шаг ближе. Малина вспыхивает еще ярче.

Вот сейчас понимаю, что не выпущу отсюда.

Ей не убежать. Потому что на мои прикосновения реагирует и вообще волнует тут все. Где же разлепиться, как выйти из сладкой комы, не знаю.

Взгляды ее горячие. Ну они же есть! Я же не debil, чтобы их не замечать.

— Напарилась?

Медленно кивает. Помогаю подняться.

Толкаю дверь в предбанник, чтобы не расплавилась. Ника рвется выйти, но хер там.

Заваливаюсь на полочку, сажаю ее на себя. Мультишные глаза еще больше расширяются.

И пряди эти влажные, и кожа в капельку.

Сжимаю ладони на охуенной попчике, тяну сильнее. Приклеиваю.

— Продолжим знакомство? – впиваюсь в шейку. – Ты ведь не против?

Глава 12.

Голова идет кругом. Это от адского жара и посоха дождя Макса, что уперся мне прямо в чресла. Я из-за него сильно помешанная и зверски дезориентированная. Сейчас лесоруб дракуловский меня вынесет отсюда. На себе.

— Напарилась?

О, да! Сию секунду кожа от костей отвалится последняя. Мне нужен чай и успокаивающая медитация. Мантру очищения от сексуальной скверны немедленно!

Вряд ли смогу осилить лотос. Срочно! Шавасану или нидру. Иначе полный дисбаланс и позорное падение в прямом смысле слова обеспечены. Едва понимаю с деревяшки, прикрывая стратегически уязвимые части тела. Низ шапкой. А верх рукой. Лицо делаю сильное и независимое. Не собираюсь я тут в обмороки падать от неземной красоты лесного драко-варвара.

Это издевательство природы дать такой голос Макс-у. Даже не голос. Это шепот тигра. Сначала очарует, а потом сожрет и не подавится.

«Напарилась?» Про себя корчу мину, передразниваю, морща нос. Будто он не напарился. Красный весь, как кровопийца. Взгляд нечаянно падает прям туда. О, Боже!

Судя по посоху дождя еще как напарился. Звенит точно также. И даже не бубенчиками. Хотя какие там бубенчики, там помидоры «бычье сердце»!

Макс-варвар толкает дверь. Спасительный воздух врывается, и голова моя проясняется. О, хвала небесам, я все же не помру здесь. Плевать, что я голая, что он голый. Что я мужской пипирки не видела (хотя какая там пипирка, там баклажан-переросток).

Я просто хочу выжить! Поэтому плевать дважды. Нагими пришли, нагими уйдем. На фиг стеснение. Лучше остаться живой, чем ползать в поисках мокрой майки. Там на воле меня ждет сухая. Потом постыжусь и все остальное. Проклинаю желание быть чистой, беру курс на дверь. Шапочка на месте и рука на месте. А зад ... Ну и что!

Вылезаю на свободу. Дышать становится все легче.

Еще минуту и я спасена.

— Ой, – пишу мгновенно взлетая в желанный прохладный воздух.

Ненадолго.

Сильные руки-тиски обхватывают и с потрясающим шлепком голой кожи об кожу, приземляюсь на колени Макса. Округляя рот, готовлюсь выдать сольную партию колоратурным сопрано Кабалье.

— Продолжим знакомство? Ты ведь не против?

— Ты офигел? – взвизгиваю от укуса в шею.

Не как Кабалье. Ору будто меня на рынке грабанили.

Пульс грохочет и долбит на всю катушку. Наглючие лапы трогают, рисуют по телу. От шока хватаюсь за могучие плечи, вонзаю в кожу коготки. Затыкаюсь, внезапно ошалев от действий Макса.

— Спинка изогнутая, – ведет пальцем по позвонкам. По следу течет ток. Сама не понимая, как изгибаюсь сильнее. – Какая ты ...

Это что? Это соблазнение? Й-я-ааа ... не знаю.

От преступного движа пальцами варвара тело перестает слушаться. Оно предает меня зараза такая. Но дух непобедим. Поэтому слабо бормочу.

— Макс, мы делаем что-то неправильное, – шепчу.

— Мы делаем все очень правильно, – провокационно улыбается, – никто не запретит нам пошалить, да?

Затыкаю рот. Зеленые глазищи всю меня насквозь пробивают. Черная каемка становится тоньше и это уже невозможно терпеть. Проваливаюсь в изумрудный гипноз с карими крапинками.

У меня секса не было триста лет. Даже у Тортилы он чаще был, чем у меня. Гриша оставлял свой тестостерон в качалке и ему все время почти было нельзя. Я вообще не понимаю, как у него сил на мою чертову подругу хватило. Таскала его как красивую картинку рядом с собой. Для чего? Фоткаться и выкладывать сторис. Вот и все его предназначение. А тут варвар. Еще какой варвар. И на Гришу мне абсолютно наплевать! Наплевать же? Да!

Но.

— Я не готова, – выпаливаю. – Я на тебя сейчас смотрю ... И нет.

«Идиотка!» — шепчет мне внутренний голос. «Незамутненная дура!»

Растерянно таращусь на Макса. Так хищно улыбается. Такая поволока во взгляде. О, мой бог! Рывок крепкими бедрами.

Аааа!

Брехня собачья. Я готова, как одержимая.

И пусть я распутная. Обзывают как хотите. Но мир мой сейчас переворачивается с ног на голову. Дубина Макса дергается и втыкается в живот нахальнее. Ааай! Ммм. Бедра дрожат, меня штормит по полной программе. Я в сознании без сознания. Так бывает?

— Серьезно? Проверим?

От его шального шепота все размазывается. Последние мозги теряю. Эта избушка случайно не Летучий Голландец, где все роняют мозги в трюмах?

— Ничего я проверить не х ... очу ...

Лепечу, пытаюсь соскользнуть. Все же мозги я где-то подобрала. Еложу по мощному прокачанному бедру Макса, как улитка слизь свою оставляю.

Я ведусь. Веду, как слабая на одно место. Бесит, что вот так разводит. То есть не это бесит. Другие также в руки падали? Без сопротивления? Неожиданно злюсь.

— Губехи дай, – Дракула шепчет завораживающим тоном. И я как дура тянусь, погибая в тембре искуителя. Он на миг впивается. – Ммм. Сладкая. Самая-самая сладкая.

Шиплю как змея и задыхаюсь как космонавт без скафандра. Ловит снова за талию, притискивает ближе. Есть ли шанс вырваться? Есть. Если дотянусь и огрею железной шайкой его по башке, но я не хочу.

— Это насилие? – жалко верещу.

Мотает башкой своей красивой. С отчаяньем таращусь, изнемогая в лохмотья. Бывают же такие красивые мужики, ну хоть бы где уродом был. Нет! Везде Аполлон.

— Сладенький износ? – впивается в грудь. – Или так дашь?

— Ооох! – взвиваюсь от остроты.

— Мгм, – урчит. – Пиздец качает от тебя. Охуенная.

В лютой жаре в мурашках пребываю. Где там чертова йога? Доставай ее скорее, Ника. И ни хрена! Ломаюсь хрупким льдом в руках лесного качка. Макс целует грудь, шею, плечи. Его чертовы губы везде.

Я сейчас чокнусь, дайте хоть кто-нибудь успокоительные. Накапайте пятьдесят капель, а лучше флакон сразу.

— Маакс!

Стону. Как дурная русалка пою на разные лады, заманивая жертв. Язык вторгается в рот. Принимаю и начинаю кружить своим будто в узлы пытаюсь завязать. Он такой вкусный и ооо! Умелый. Властный. Прекрасный и бомбический.

— Сожми.

На миг вырубаясь. Кого сжать? Ошалело пялюсь вниз. Член Макса зажат в моей ладони.

Я сама это сделала? Дурею от происходящего. Никогда не было, чтобы сознание проваливалось. Медленно веду рукой вверх, потом вниз. Пальцы едва сходятся. Такой большой, у меня в горле пересыхает. Как такое помещается?

— Эй, – сдавленно смеется, – не так крепко. Он нам еще пригодится.

Отдергиваю руку. Дышу, как на кроссе. Впервые довольна, что мы в бане, иначе полыхнувшее лицо было бы из космоса видно.

— П-прости ...

— Не надо стесняться, – пошленько шепчет, возвращая мою руку назад. Послушно обхватываю. Макс меняется в лице. – Слушай, – сглатывает ком, – я так долго ... не продержусь. Давай так.

Раскрывает мои бедра и наглым взглядом пялится прямо туда! На мой цветочек. В смущении хлопаю ладонью по лбу, откидывая голову. Не могу смотреть, как бесцеремонно и жадно разглядывает. Но как остановиться? Мы уже сбили шлагбаумы на фиг. Не могу я смотаться, да и не хочу.

Просто таких открытых откровенностей прежде никогда не было.

— Красиво, – очарованно шепчет. Пальцы прижимаются к лепесткам и чувствительно надавливают. Шиплю и пишу одновременно. – Можно громче, – мягко рыкает, слышу, как улыбается.

И еще давит-давит-давит. Тело взрывается.

Так быстро ... Что это вообще ... Аааа!

— Макс.

Выкрикиваю его имя. Больше чем уверена, что голос выражает шок и взрыв, но кто бы меня слушал. Ноги шире и на вход давит большая головка. Еще миг и он во мне.

Растягивает до предела. Еще немного и мой желудок станет стоя приветствовать новое вторжение инопланетного жителя. Мне не больно. Это непривычно офигительно! Но когти в плечи все же всаживаю.

— Ш-ш-ш, – медленно погружает в рот свой язык. Коротко толкнув мой исчезает. – Кошка царапка. Какая вкусная девочка.

Впиваюсь в него сильнее и тут же подлетаю. Единственное, что могу — судорожно дышать. Меня крутят по-всякому, так накачивают, что не могу нормально кислород вдохнуть. Макс таранит, как поршень. Подцепив рукой под попу, раскрывает еще шире и беспощадно долбит.

Знала ли моя Венера, что когда-нибудь ее вот так варварски? Но зато как это космически хорошо. Я вздрагиваю, падаю то вверх, то вниз. Летаю на качелях ощущений, забирает все выше и выше. Еще немного и до звезд достану.

— Давай, давай, Ника, – подгоняет Макс.

Что ему давать, когда я сейчас отключусь от фейерверка накатывающих волн. Хватаю воздух ртом и не чувствую, что можно хоть как-нибудь функционировать. О, мамааа-миааа! Такое бывает?!

Неумолимо двигается. Мощно. Сильно. Вдалбливается беспощадно и полностью до самого конца.

О, боги ... Ооо, твою маать!

Кажется, кричу это вслух.

— Ааай! – ору.

— Стоять! – рывок на себя, потом беспощадная многоскоростная серия толчков.

Чертов ты Феррари!

И я взрываюсь.

Загнанно хриплю, срывая горло. Сознание исчезает, рывками выносит на поверхность и снова топит. Ничего не соображаю.

— Еще пять минут, – рычит возбужденно.

Чтооо?

Взлетаю в воздух. Рушусь лицом вниз на сложенные руки. Зад летит кверху и крепкие бедра дикаря таранят сзади. Разлетаюсь снова и снова. Это так мощно! Хлесткий ожег по ягодице добавляет чувственной жести.

Памагити!!!

Сдавленный рык проникает во все поры раскаленной кожи. Оставаясь во мне, тянет за волосы. Немыслимо изогнувшись, прилипаю к широченной груди Макса. Оглушительно колотится сердце. Удары в лопатки лупят. На горло ложится большая ладонь и сжимает. Ловлю какие-то феерические взрывы.

— Моя девочка.

Сорванным голосом.

Вздрагиваю. Это так ... до дрожи.

Теплая жидкость льется на спину. В безумии подаюсь еще назад, даю больше мокрого трения. Упругая кипяточная головка Макса елозит по раскаленной коже. Он мощно передергивается и падает рядом со мной на узкую полку.

— Ляг на меня сверху, – тянет к себе на грудь.

Ложусь.

Глава 13.

Ника спит. Вырубилась, едва коснувшись подушки. Я бы не отказался продолжить, но она размякла на глазах. Пришлось тащить на руках. С непривычки долбануло. Девочка отпарена и отжарена. Так что пусть отдыхает.

Смешная она.

Смешная и немного странная. Но не это ли цапануло? Зачпокало в бабах показушное все. Фальшивые насквозь. От души посмеяться нормально не могут, все корчат из себя див светских. Ника тонкая, звонкая. Она настоящая. Местами навывлет чудит, а потом ррраз – и взгляд такой глубокий.

Ранимая что ли. Не понял еще. Не стыдиться быть очаровательно смешной и не строит из себя хер знам кого.

Отчаянная. В постель со мной в первую ночь легла. Смешно сказать, но она единственная кого не тронул. Девки знали зачем за мной в койку прыгали. А на счет моей йогини ни одной похабщины не возникло. Реально опасался за то, чтобы кони не нарезала. Столько по лесу отмахать, это ж пиздец. Да и испугана была до смерти.

Глазюки у нее. Мед, а не очи. Яркие, доверчивые и бесконечно честные. Нельзя быть такой. Сожрут. Короче, она первая кого хочется защищать. А мне хочется, да? Губы растягивает усмешка. М-да, Ерема, че-то штырит тебя не по-детски.

И мне очень заходит, что она не накрашенная. Бесит штукатурка. И губехи такие сладенькие. Без резины и трамплина этого дебильного. Вот ее целовать хочется. А как облизнет рот, так вообще охренеть можно.

Кручу ушко кружки в руках. Идти на улицу неохота, поэтому открыв окно курю в доме. Даже не спросил откуда она. Да и неважно. Беспокоит другое. Не могу вспомнить почему все время кажется, что я ее знаю. Причем сначала не заметил особо, а потом рассмотрел. Видел где-то, но где? И видел ли?

Может раньше встречал. Не помню ни хера. Калейдоскоп девок был скажем так большой, но вот образ Ники все равно кажется знакомым. Где? Не могу вспомнить реально. Или кажется все ж таки.

Навожу еще кружку кофе. От нечего делать, расставляю небольшой бардачок по местам. Из холодильника вытаскиваю мясо. Мариную со всякими специями. Что Ника к мясу любит? Спускаюсь вниз, выбираю вино. Легкое, но насыщенное, чтобы вкус подчеркнуть. Брускеттов наворачиваю, если встанет и проголодается.

Бросаю полотенца в корзину и меня нахлобучивает. Нет, все прекрасно, а что дальше.

Мои молчат. Я тут как доцент «схорониться мне надо» и, если серьезно, достают уже обстоятельства. Сколько там меня отмазывать будут? Попал, чего уж на грязное тело белое пальто пялить. Пережал немного.

Но кто сдержался бы на моем месте, м? Вряд ли адекват мимо ситуации прошел. Меня всю жизнь учили защищать интересы. Кто же знал, что интересы у разных слоев населения как бы одинаковы, но трактуются в сторону того, у кого бабла больше.

Подкуриваю еще сигарету.

Если коснись еще раз ... Поступил бы точно также.

Ненавижу выблядков с золотыми ложками во рту. Чувствуют себя первыми после Бога, а может и выше него. Ничего святого у ублюдков. Знают, что землю за них рыть будут, из любого дерьма вытащат. Вот и развязывают себе мелкие тощие ручонки. Бляди. Силы и характера по нулям, а гонору на дохулион.

Тебя в порошок сотрут, сука. Ты знаешь кто я? Руки убрал! Да вас тут всеех, – введливый наглый обдолбанный голос резонирует в ушах. Все валится на пол. Мажор расходится. Вытаскивает бумажник, оттуда дуrom сыплются купюры и карты. – Воот! Вам этого не видеть никогда. Я владыка жизни! Вбейте в свою тупую башку. На хуй отсюда! Это моя тусовка. Всеех уберут по щелчку пальцев. Чернь! Тупые чмыри! Запомните. Я! Я! Что хочу, то и делаю. Если прикажу, будете всеми мне сосать.

В итоге: у него перелом (ы), а я по съебатору. Типа в командировке. Батя быстро несанкционированный отъезд наладил. Такие дела.

— Макс.

Захлопываю форточку.

В проеме стоит Ника. Укуталась в одеяло, пальцы на ногах поджимает. Немного взъерошенная. Губы опухли, жесьть как сильно. Она прям очаровашка. Льянные волосы волнами. Ну ромашка, а не девочка.

Снова гребаный морок нападет. Как вспомню, что в бане отжигали. Скрещиваю руки, опираюсь на притолоку. Немного рисуюсь, че скрывать. Пару раз дергаю мышцей.

Думал, что спущу парок разок и все. Но нет. Судя по реакции тела ни хрена там не на разок.

Манит Ника меня. Не могу разобрать чем, только вот все время теперь хочу, чтобы рядом была. Для секса естественно.

— Мм? Что проснулась?

Выходит грубовато. Ника розовеет и опускает глаза. Вот никогда не жалел и не проникался до конца. Неловко и ладно, а теперь в груди рвется мелкий сосуд. Он телепается и зудит. Хочется все исправить.

— Замерзла, – зябко ведет плечиком.

Одеяло спадает. Ника ловко перехватывает его, но грудь все равно мелькает.

Прикрываю глаза. Втягиваю горячий воздух.

Можно я сегодня побуду озабоченным чуть, м? Протягиваю руки и сгребаю ближе девочку. Втыкаюсь подбородком в льняную макушку. Вдыхаю аромат, осипнув хриплю.

— Иди. Согрею.

Глава 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.